

Леонид СИМАЧЕВ

ПРОСНУТЬСЯ СРЕДИ НОЧИ

РАССКАЗ

Ей снилось, что мышцы ноги свело судорогой. Что она, восемнадцатилетняя, только приехала с далекого прииска в портовый город и устроилась ученицей в парикмахерскую. Самое ценное, что она имела, — модные туфли на «платформе», которые тогда еще были редки. Она надевала их каждый день на работу: ведь она впервые в большом городе. Купила перед отъездом, правда, с боем, но мать уступила. Дочь-то выросла, уезжает, ну и дала денег. Дорогие, японские... Приискателям часто завозили импортные вещи. И вот она первые дни толкалась, как на ходулях, всю смену вокруг кресел, а среди ночи просыпалась от дикой боли в ноге.

...Она проснулась. Но не от сна, в котором почувствовала себя, пусть на мгновенье, приисковой беспечной девчонкой, — у нее и в самом деле сильно свело ногу. Она чертыхнулась, осторожно подтянула колено к подбородку, расслабила ногу, массируя икру. Повернула лицо к дочке — не разбудила ли? Но Светка крепко спала. Намаялась, бедн... Боже мой! Она вспомнила вчерашний вечер. Как все противно! И, привыкшая ругаться в магазине с шоферней, стала втихомолку костерить себя.

Потихоньку сползла с постели. Стараясь не брякнуть бач-

ком, зачерпнула ковшом воды и с наслаждением напилась. Юрик тоже... Про себя она звала его Юриком, хотя в глаза так не называла, боясь обидеть парня. Стыдить начал: «Почему я здесь так поздно?.. Ребенок по коридору слоняется... Ты выпила, тебе все хорошо и замечательно». Эх, хорошо, эх, замечательно... Она закусила край одеяла. Обматерил бы лучше или ударил, что ли! Ни рыба, ни мясо...

Перевернулась на спину. Смутно тускнело промерзшее окно. Лишь в самом верху, где стекла не промерзли, виднелся прихваченный лунным светом морозный туман. Но в комнате было тепло. Видимо, вечером, играя со Светкой, Юрик протопил печь.

«Везет же мне на таких вот нерешительных... Но Юра вообще-то не слабовольный. А то бы давно меня послушался или, наоборот, мать. Обожди, говорит, я ее уломаю, чтоб без обиды, по-хорошему... Эх, не вашим и не нашим!» — вдруг снова обозлилась она, но, вспомнив сон, нелепые «платформы», улыбнулась; первые два года жизни в городе на берегу океана, пожалуй, были самыми счастливыми.

«Талантливая ты, Женька», — говорили подруги по курсам, наглядевшись в зеркало, — что там она сотворила у них на голове. То же самое сказала Дина Романовна, направляя ее на курсы. «Работаешь ты здорово, но медленно. Иди-ка ты на курсы, благо сейчас набирают. Тебе технику нужно ставить. Да и корочки не помешают. Вернешься — сразу самостоятельно поставлю».

Работала она, как любила говорить мать, с душой. Да и какая это работа без души! Нравилось из обыкновенных, зачастую грязных, волос делать сказочные, будто дышавшие прически. Неуклюжую и ребристую от бигуди голову превращать в задуманное, осмысленное ею волнистое чудо. Даже парики для старушек — так она называла всех, кому за тридцать пять, — готовила с таким же совершенством и вдохновением.

Через год она победила на краевом смотре молодых мастеров, ее пригласили в лучший салон города. «Везучая!» — завидовали подруги. Там работали заслуженные, именитые мастера. Дали место в общежитии, и она наконец ушла от крикливой и жадной частницы, у которой снимала угол.

«Скорострельно» работать так и не приучилась, но свои клиенты появились сразу. Знакомиться — не знакомилась, узнавала уже в кресле, по голове. Затем пошли и знакомства.

Когда работала в первую смену, то с утра, в основном, был наплыв официанток из ресторанов, готовящихся к долгой и длинной работе, морячек, встречающих мужей из плавания, — морвокзал в двух шагах, курортниц и прочих свободных от дневных забот женщин. Во вторую смену — те же свободные женщины, невесты, если был выходной, командированные из районов перед походом в ресторан (потом воспоминаний — на весь год). Иногда заходили актрисы из драмтеатра, прослышавшие про молодую способную парикмахершу. Так пролетело несколько месяцев.

Как-то весенним вечером подруга, жившая с ней в одной комнате, предложила сходить в ресторан — отметить день рождения.

Была суббота. У входных дверей — кучка желающих и непреклонный швейцар. Подруга здесь была не первый раз.

— Дохлый номер. Нужно было днем заказать столик.

— Чего ж тогда позвала?

— Ничего, нас только двое. Может, кто подхватит или подсядем. Главное туда прорваться. Обожди, я ему сейчас железный суну, пропустит.

— Не надо. — У Женьки мелькнула мысль. — Я сегодня Софье укладку делала. Она должна работать, пусть позовет.

Швейцар недовольно оглядел их простенькие пальтишки, потом перевел взгляд на красивые головки, буркнул что-то, но, клацнув засовом, пошел все-таки звать.

— Женечка! — прижав к мощной груди руки, пропела уже седеющая Софья. — Проходите, проходите. Что же ты, Лукич... — И она бросила взгляд в сторону швейцара.

Тот вроде и не заметил этого взгляда, но стало ясно, что Лукич эту девушку запомнил и свободные места для нее будут всегда, когда работает Софья.

Скомкав лежавшую на столе бумажную салфетку, на которой быстрой рукой было нацарапано «Занято», Софья усадила их.

Ковровые дорожки: полумрак, красивые парни из оркестра, музыка, вино, необычные для весны фрукты, — все это ошеломило Женьку. Подруга уже закуривала.

— Везучая ты, Женька, — сплевывая виноградные косточки, говорила она. — У тебя связи, а не пользуешься. Все бабы красивыми хотят быть.

Позже Софья подсадила к ним двух моряков. Те пили водку и рассказывали, как их прихватило перед Сангарским. «Почти дома — и прихватило!» — перебивая друг друга, перекрикивали они музыку. Женька не понимала: что прихва-

тило? О чем это они? Оказывается, при переходе домой их судно попало в шторм перед Сангарским проливом.

Женьку с подругой наперебой приглашали танцевать — девушек было мало, преобладали «старушки», обтянутые зарубежными брючными костюмами. В голове шумело. В воздухе висел табачный дым, прослоенный резкой смесью всевозможных духов.

Моряки беспрестанно заказывали шампанское, требовали свежих помидоров. Но помидоров не было. Потом они звали девушек в гости. «Вы были хоть раз на пароходе? Нет? Ну-у... Поехали! Да не бойтесь... Все будет ок!» — талдычили они.

Женька помнит, что Софья не дала ей заплатить, а за все взяла с моряков, и чаевые тоже. Женьке моряки понравились и их было жалко, как и приисковых старателей, нещадно спустивших деньги после сезона.

В общежитии долго не могла уснуть. Она никогда еще столько не пила, но почему-то не опьянела. Неясная восторженность и грусть наполняли ее.

Наступила осень. Женька и не заметила, как зачастила в ресторан на морвокзале. Сначала еще находила какую-либо причину. Потом, выпив, как бы оправдывалась перед собой. Что она раньше видела? Выросла без отца и не знает, где он. Замуж мать больше так и не вышла. В доме иногда появлялись старатели или шоферы с трассы — очередное ее увлечение. Но не больше, чем на два-три месяца, а потом они снова жили вдвоем, размеренно и спокойно, до следующей блажи матери. Такие отрезки детской жизни были самыми ясными и памятными.

Ресторанная жизнь изменила Женьку. Стало хотеться модных тряпок, денег, новых знакомств. С простыми клиентами она вела себя теперь грубее, появилось профессионально-каменное выражение лица во время работы. Когда было выгодно — работала в темпе, поверхностно. Нужных людей старалась обслуживать без очереди. В кармашке халата захрустели «левые» деньги. Порядки в общежитии мешали вечерней жизни, и она снова ушла на квартиру, но уже в центре, с удобствами. Разумеется, по знакомству.

В ресторане, куда теперь ходила почти каждый вечер — просто поужинать, — она и познакомилась с будущим мужем — Димой. Он с однокурсниками отмечал окончание семестра. Как потом выяснилось, у него регулярно оставались «хвосты», но что поделаешь — отмечать он любил. Это был красивый блондин с тонким и нервным лицом.

— Я вас знаю, — сказал Дима, танцуя с ней. — Вы моей маме однажды делали прическу, а я ее поджидал. И видел через стекло, как вы работаете.

— Вы, наверно, маменькин сынок, если везде ходите с мамой, — пошутила она, и неудачно: он взаправду был маменькин сынок, позже она это поняла.

— Мама говорит, что вы замечательно стрижете.

Дима стал каждый день встречать ее с работы. Ему нравилось, когда она работала во вторую смену, встретить ее поздно вечером, а затем идти в ресторан. То, что Женьку знают все, и он, Дима, с ней — льстило его самолюбию.

Незаметно ее потянуло к нему. Днем они гуляли по зимнему, быстро сереющему городу. Если поднимался ветер, прятались в кинотеатр, пили молочный коктейль и смотрели на стылый промерзший лед залива.

Его отец погиб десять лет назад. Командовал подлодкой. В затяжном походе что-то случилось, у него схватило сердце. Дима много рассказывал о нем. Еще говорил об институте, где его не понимают, и что как нелепо изучать то, чего не хочешь. Женька жалела его. У нее вообще, по сути, не было отца, а у него был. Был — и вдруг не стало, это гораздо больнее.

Приводила к себе в гости. Кормила мороженой брусникой, присланной матерью, и снисходительно, по-взрослому, ухаживала за ним. Они были одногодки. А Дима заставлял ее читать скучные путаные книги иностранных авторов, а потом сам так же скучно и путано выражал свой восторг, чуть не насильно принуждая ее дочитывать до конца брошенную было книгу. «Я ее с таким трудом достал!»

Заканчивалась весна, когда Женька поняла, что беременна. Она поговорила со «старушками» на работе. Те дали адреса, только нужно было несколько обождать.

Утром, когда Дима проснулся у нее — маме он говорил что занимается допоздна у ребят в общежитии, там и ночевать остается, — она ему сказала, что беременна. Сказала без всякого умысла, просто так. Он как-то сразу осунулся, пробубнил невнятное и, торопясь, убежал на лекции. На другой день пригласил в гости.

Александра Борисовна, Димины мама, была женщина молодящаяся, с мальчишеской стрижкой, которая очень шла к ее большим серым глазам и тонкому, как у сына, лицу.

Официальное чаепитие, если угодно — смотрины, шло в тишине. Женька чувствовала себя неловко в большой и роскошной квартире со следами редкой и бесплановой уборки. Дима пытался было завести разговор, но тот не клеился. У

Женьки временами прилиwała кровь к лицу. Щеки горели, благо она смуглая. Отец был азиатских кровей, как ответила мать в детстве, когда она подросла до того, чтобы интересоваться своей внешностью, и спросила мать про свои чуточку раскосые и черные глаза.

А еще через день Дима сделал ей предложение. Это было так неожиданно, что она сразу согласилась. Мысль о враче отпала сама собой.

Дима с мамой развили торопливую деятельность. Женька ничего не имела против того, чтобы ждать регистрации, как все, но они почему-то спешили. Александра Борисовна быстро все устроила, и через десять дней уже был свадебный вечер в ресторане. Женька толком и не помнит, кто там был, уж слишком быстро все получилось.

«Везучая ты, Женька, — шептали подружки на свадьбе. — Квартира трехкомнатная, муж красивый, да и свекровь вон молодецки держится, простецкая вроде... Горько!» — кричали они. Оркестранты поздравляли Женьку и играли не переставая, официантки тоже подходили, целовали, просили и теперь заглядывать вечерком, не забывать. На столах стояли тюльпаны, первые летние помидоры из теплиц; в открытые окна вместе с влажным ветром тыкались лучи прожекторов с буксиров; мерцали огни порталных кранов. «К счастью!..» — кричали все, направляя хлопающие пробки от шампанского в окна... Наступал сезон дождей.

В понедельник утром, когда Дима ушел на занятия, Александра Борисовна мягко заговорила с ней, и Женька поняла, отчего она так спешила со свадьбой. Снова возник вопрос о враче, и оказалось, что об этом свекровь уже побеспокоилась. Она говорила, что они еще молоды, Диме нужно окончить институт, что в августе им не помешает съездить в Болгарию и отдохнуть — о путевках она тоже договорилась, да и что ей самой до пенсии еще далеко...

Много позже Женька поняла, что Александра Борисовна просто испугалась ее, когда сын все рассказал. Что знала о ней свекровь? Что приехала из глуши, скоро освоилась, вон в салоне очередь к ней. Видно, девка хваткая, от такой не открутишься, — в подоле принесет и скандал поднимет. Лучше все культурно оформить, тем более она ничего себе. А там Дима поживет, посмотрит, молодой еще... Время покажет.

А Дима с тяжким трудом переваливал с курса на курс, спихивал экзамены и «хвосты», обмывал их и встречать Жень-

ку вечером с работы уже не приходил. Порой заскакивал к ней на работу и просил денег. Она всегда давала.

Когда приходил ночью пьяный, будил ее и начинал доказывать, какой он хороший и талантливый.

— Э, да тебе все равно не понять. Ты у меня недалекая. Но хитрая! — Он хватал ее за руки, больно стискивая. — Ты же обманула меня. Да?.. Обманула. Этот деревенский практицизм...

Александра ему про аборт не рассказала, а Женьке объяснить все это было унижительно и тошно. «Господи, как все получилось...» — с тоской думала она.

— Перестань! И отпусти. Опять проспишь лекции.

— А тебе что? Да тебе бы лучше в сто раз было, если бы я был шофером, грузчиком или, там, машинистом? Что — нет? И брошу я эти лекции! — Он снова стискивал ей плечи и кричал: — Ты развратила меня! Ты сгубила мою молодость! Ты...

Просыпалась свекровь. Босиком, заломив руки с ниспадающими рукавами сорочки за голову, она картинно рыдала:

— Только без эксцессов! Только без эксцессов, Димочка...

Утром он выпивал бутылку пива из холодильника, хмуро трепал Женьку ладонью по щеке и уходил в институт. В ресторан с ним Женька теперь не ходила.

Кое-как защитил он диплом горного инженера, и его направили на отдаленный рудник.

Этого дня Женька ждала с надеждой. Ей хотелось тотчас уехать на новое место. Свить свой угол. Родить мальчика и девочку и зажить трудовой поселковой жизнью. Она толковала об этом с Димой. Он соглашался, убеждал, что все будет хорошо, что ему тоже хочется начать все с нуля. Черт возьми, инженер теперь! Он докажет, на что способен.

Уговорил пока остаться, а сам улетел устраиваться.

— Скоро вызову.

Пошли письма, в каждом — пока не приезжай... скоро увидимся... зажимают здесь... потерпи...

Через полгода вернулся. Сказал, что удалось вывернуться и даже отрабатывать не придется. Теперь он — вольная птица. А пахать там, на севере, не намерен.

Начались поиски работы. Работа не по специальности... Брюзгливое нытье вперемежку с пьяным бахвальством... Истерики постаревшей свекрови... Пустая кровать по ночам.

Как гром среди ясного неба — умерла мать.

— Рак, — коротко сказал ей доктор приисковой больницы.

— «Рак»... «рак»... «рак»... стучали по крышке гроба комья земли.

И вот она снова в старом бараке, в опустевшей, словно чужой, квартире, от которой отвыкла за эти годы. Будто совсем не здесь родилась. Поплакала, побродила по сырым апрельским улочкам, где днем от оттаивающих деревянных тротуаров знакомо пахло смолистой лиственницей. И решила остаться. И решила рожать.

Дима прилетел оформлять развод быстро. Она еще раз попыталась поговорить с ним. Предложила остаться. Жить пока есть где, работа ему есть. И сказала, что будет ребенок. Хватит пусто жить.

— Не смей! — взвизгнул он. — Я тебе не разрешаю! Впрочем, ты и не будешь рожать, ты практичная. Однажды я уже слышал что-то подобное. — Он, как обычно, поводил перед лицом ладонью. — Да и удерешь скоро отсюда. Что ты тут будешь делать? — Язвительно улыбнулся: — Здесь не до причесок. — Он кивнул за окно на серые бревенчатые дома, на контуры отмытой драгами породы, на дым из печных труб, поднимавшийся в ясное майское небо.

— Ох, постылый! — выдохнула Женька молчание, накопившееся в ней за все эти годы. — Катись ты...

...Резко затрещал будильник.

— Мамк, ты же сегодня выходная, — сонно залепетала Светка. — Я в садик не хочу....

— Спи, спи... Ишь, проснулась. В такой день не добудишься...

«И правда, пьяная была. Зачем будильник-то заводила?»

Вчера прииск досрочно выполнил годовой план, днем было собрание. А вечером намечалось застолье, и ее попросили помочь. Целый день она носилась между магазином, столовкой и конторой. Нужно было достать то, и другое, и третье. К вечеру бабы пристали с прическами. Все свои — не откажешь. Так прокрутилась весь день, что и переодеться не успела. Светка сама пришла из детсада и слонялась по всему дому.

Юра почему-то на вечер не остался. Ведь видел днем в конторе. Была бы с ним — не выпила бы лишнего...

Она вспомнила, как зло отплясывала в"сра, рассердившись на него, что не остался. Стесняется ее — ну и пусть! Как лихо вколачивала каблуки в перекошенный, с наклоном в одну сторону — проклятая мерзлота — конторский пол. Как с пьяной назойливостью приставал к ней начальник торгового отдела.

А Юрик так и не пришел. Он весь вечер возился со Светкой...

Юрик жил с матерью в том же доме, что и Женька. Когда она уехала с прииска, он ей казался еще пацаном. А когда вернулась — учился он в институте. На каникулы к матери не заглядывал, пропадал в стройотрядах. Но перед последним курсом нагрянул.

Утром, катя коляску со Светкой, она встретила в коридоре тихого парня, скромного на вид, несмотря на кричащую множеством эмблем и надписей стройотрядовскую куртку. Он вежливо прижался к стене.

— Здравствуйте, Евгения...

У нее чуть привычно не сорвалось: «Здравствуй, Юрик», — но она вовремя спохватилась и солидно ответила:

— Здравствуйте. С приездом. — И покатила дальше.

Как-то вечером в кино места у них оказались рядом. Она любила ходить в кино. Хороший фильм, как праздник, снимал усталость, на душе становилось легко, повседневные заботы казались никчемными.

Разговорились. После фильма он ждал, пока она забежала к знакомым за дочкой. Молча шел рядом, щурился на заходящее солнце, предупредительно помогал переносить коляску через дорогу и коротко отвечал на расспросы.

Женьке было неловко: бабы, встречавшие у ворот бредущих из лесу коров, бесцеремонно разглядывали их. И совсем уж неудобно стало, когда он согласно кивнул на сделанное из вежливости предложение попить чаю. Так же молча напился чаю, покосился на костяшки счетов, висевших на стенке. Поблагодарил, пожелал спокойной ночи и, подмигнув на прощанье Светке: спи, мол, — ушел.

Назавтра перед обедом к Женьке в магазин зашла его мать — Назаровна. Вместо приветствия насупленно зыркнула из-под платка. Придирчиво выбирала селедку из банки, но так и не взяла. Сварливо спросила индийского чаю, хоть и знала, что его давно не завозили. Женька ждала, что она заговорит, приготовилась успокоить ее, но Назаровна, буркнув что-то, удалилась.

В воскресенье вечером Юрик пришел к ней. Женька сразу поняла, что он выпил.

— День шахтера, — сказал и сел на табурет.

Долго смотрел в окно. На улице опять мычали коровы. В преддверии сентября вечера холодали. Словно малиновым сиропом набухли облака: солнце уже скатилось в сопки.

— Извините, Евгения. — Он достал из кармана куртки бутылку вина. — Я завтра уезжаю. А вообще-то я не пью. — Он робко улыбнулся. — Мамка к приезду бражки наготовила — я ничего почти и не выпил. И уж уезжать пора...

А когда она задернула занавеску на окне и пошла к выключателю, чтобы зажечь свет, Юрик вдруг неуклюже обнял ее и полез целоваться. Женька оттолкнула его. Юрик сел и обхватил голову руками.

— Извините, — глухо сказал он. — Не думайте обо мне плохо.

— А обо мне можно плохо думать, да? — Она включила свет. — Сиди, сиди. И вина принес... — Она налила стакан и со злостью выпила. — Кто надоумил-то? — И шепотом, боясь разбудить Светку, с горькой обидой долго выговаривала: — Не пью вообще-то... Какого ж лешего пил? Разве к женщине пьяным приходят, Юрик? Или ты только с такими и дело имел? Не имел? Так я и спрашиваю: кто надоумил? Своих мозгов не хватает? Ну, ничего. Подрастешь — поймешь. — Она подошла и взлохматила ему волосы. — С тобой завтра бы поговорить, посмотреть на тебя. Не стыдно?

Лицо у него покрылось ярко-красными пятнами.

— Я пойду, извините. — Он поднялся. — Я не хотел. Я... — Лицо его мучительно исказилось. — Просто... — Он подошел к двери. — Просто я... — Он запнулся.

— Постой, — вдруг сказала Женька и подошла к нему. Ее захлестнула жалость. — Зачем же ты так, Юрик? Молчи, не надо. Нельзя же так... Нужно быть всегда самим собой. И не пей никогда — вон у тебя все лицо пошло пятнами.

Он уткнулся ей в шею.

— Прости... прости... Просто я ни с кем не был никогда, понимаешь?.. Ну прости...

Она ладонью легонько зажала ему рот и расслабленно твердила:

— Не говори. Все хорошо. Будь всегда самим собой. Самим собой...

...Потом он бессвязно говорил что-то хорошее, целовал ее, радостно и тихо смеялся. А она лежала, не слушая его. Все чудилось, что под дверью Назаровна.

Под утро он не хотел уходить, но она сказала, что так надо. Крепко поцеловала на прощание и мягко вытолкнула за порог.

Весь год он писал письма. Она отвечала редко. Почтальонша, наверно, сказала Назаровне, и та окончательно перестала разговаривать с Женькой.

А после института Юра приехал на прииск и теперь вот работал в конторе экономистом.

Они завтракали, когда в дверь постучали.

— Юра пришел! — Светка вскочила из-за стола и помчалась открывать. — Ой, это баба Мотя к нам... — Она отступила в сторону, глядя на миску, покрытую тарелкой, в руках Назаровны.

— Чиек пьем? — обращаясь к Светке, ворчливо-ласково заговорила та. — А я оладушек с утра напекла. Дай, думаю, занесу к тебе, к чийку-то... Здорово, девка.

— Здравствуйте, Назаровна, — Женька кинулась за стулом. — Садитесь... Сейчас я сметанки достану.

— Да побыстрей — оладьи еще не остыли.

От чаю она отказалась, и они с Женькой молча смотрели, как, балуясь обмазанной в сметане оладьей, Светка пачкала себе щеки.

— Не голодные — потому и баловитые все, — не сердито сказала Назаровна. — Ты не такая была. Уж как мать ни тянулась, а чегой-то всегда не хватало... Вот и Юрий у меня, считай, без отца вырос. — Она вздохнула. — Дак, может, и лучше, чем при таком отце. — Она поджала губы и тихо качалась на стуле, словно отсчитывая прожитые годы.

Ее муж замерз на улице, не дойдя до дома во время очередного запоя. Юре в ту пору было десять лет.

— Всю ночь сегодня не спал, — без всякого перехода продолжала Назаровна. — Табак курить начал. Откроет трубу — и в печку дымит, будто я не учую. Вчерась поговорить хотел с тобой, а ты загуляла, девка. — Она укоризненно посмотрела на Женьку. — Да погодь ты, погодь... Знаю. Я че тебе — я ниче... Не в упрек.

— Назаровна!.. — Женька подняла голову. — Так получилось, Назаровна. Я же ни словом, ни полусловом не намекала ему, не звала сюда. Я не навязывалась, Назаровна! — Женька спрятала лицо, чувствуя, как тяжелеют глаза от нахлынувших слез.

— Присушился, значит. Ссохся весь. Судьбинная ты ему баба, видать... — Назаровна зашмыгала носом. — Че ж... И я ему, грех был, наговаривала. — Она приложила края платка к глазам. — А сюды приехал — небось лучше, чем куды-либо. Один он, да я... Все вместе будем. Только, девка, гляди, чтоб все путем!

Женька положив лицо на стол, плакала. Светка, надув губы, смотрела на Назаровну.

— Ты мамку не обижай, баба Мотя, — отдельно, повзрослому, стараясь не картавить, сказала она.

— Дочка, дочка... — Назаровна растерянно взяла Женьку за плечи высохшей рукой. — Разревелась-то... Прости старуху.

Женька, громко всхлипнув, поднялась и прижалась к Назаровне. От новой, не стиранной еще кофты пахло магазином и стряпней. Так когда-то в детстве пахло по праздникам от матери...

Морозный туман стал розовым. Значит, где-то очень низко на юге прорвалось на чистый небосклон солнце. На трассе урчали заиндевелые машины. Иные из них подруливали к столовке — близился обед.

А две женщины тихо плакали, утешая друг друга. Светка тоже успокоилась. У нее свои заботы. Скоро в саду новогодний утренник. А с каждым новым годом — новая жизнь. И бог весть, какой она будет. Все еще впереди.

УМЕР ТИМОФЕИЧ

РАССКАЗ

На тормозной площадке товарного вагона сидела взъерошенная собака. Она намучилась, но огрызаться, видимо, еще хватало сил. Рычала, когда к ней пытались подойти, шерсть на загривке пошевеливалась, ноги подбирались для прыжка. И тяжело позвякивала пристегнутая к скобе цепь. Собака была крупная, походила на овчарку, особенно когда вместе с шерстью серой масти торчком вздымались высокие уши.

От заиндевевших после ночного мороза вагонов тянуло зябкой стынью. Солнце блекло намечалось сквозь туман и дым кочегарок.

Пенсионер Федоров, направляясь в вагон-лавку, заметил на путях кучку народа и свернул туда. Судя по тому, как деловито работали вагонники, он понял, что состав подошел недавно, да и любопытствующих было не густо.

— И как она не замерзла? — трясась от холода в наспех накинутой шинельке, сказала дежурная по вокзалу, совсем еще девчонка, приехавшая сюда год назад по комсомольской путевке.

— Не замерзнет, — уверенно возразил парень в скрипучем полушубке и унтах. — Шерсть добрая. Лишь бы кормленая